

Великая Единая Теория Детской Литературы

Если вы автор и пишете для детей (я — автор и пишу для детей), вас наверняка часто спрашивают, собираетесь ли вы когда-нибудь написать *настоящую книгу*. Имеется в виду, книгу для взрослых. Задавая такой вопрос, люди¹, как правило, лучатся благожелательностью. А вы якобы не замечаете, что своим вопросом они сознательно перечеркивают труд всей вашей жизни, а заодно и вековую литературную традицию, изменившую жизни миллионов детей². И это

¹ Взрослые. Дети тоже люди, но не задают подобных вопросов.

² Знаю, что и взрослых авторов (их обычно называют просто «авторами») иногда спрашивают, не хотят ли они написать что-нибудь для детей, но, очевидно, это два очень разных вопроса. «Читатели интересуются, не планирую ли я написать детскую книгу, — говорит Мартин Эмис в своем интервью для BBC. — Отвечаю: возможно. Но только в случае серьезного поражения головного мозга». (С Мартином Эмисом мы пересекались лишь однажды, когда нас обоих пригласили выступить на благотворительном мероприятии. Несколько недель я готовился отомстить за себя и своих товарищей по цеху — представлял, как подойду к микрофону и обрушу на недруга поток уничижительного сарказма. Но когда дошло до дела, я струсил. В живом общении Эмис, разумеется, был безукоризненно вежлив; правда, его шутки в тот вечер были плосковаты [а мои — вполне остры], это принесло мне некоторое внутреннее удовлетворение. Как минимум я доказал, что детские авторы умеют быть такими же мелочными, мстительными и злорадными, как и творцы «настоящей» литературы.)

лишь одно из бесчисленных маленьких унижений, с которыми мы сталкиваемся в нашей прекрасной и в целом благодарной профессии³. За двадцать лет, что я пишу детские книги, я научился отвечать почти без тени раздражения, обычно что-то из следующего: детская литература — это настоящая литература; дети — идеальные читатели книг, особенно художественных; и нет, я не планирую писать книгу для взрослых.

Тем не менее эта моя книга — для взрослых.

Или, если точнее, книга для взрослых о книгах для детей.

Ведь кому, как не взрослым, задумываться о детской литературе? В конце концов, мы с вами контролируем и производство детских книг, и их потребление. Сами дети, согласитесь, так себе потребители. У них нет реальных доходов. Все их сбережения умещаются на дне копилки. Они не могут «забежать

³ Список таких унижений может быть бесконечным, вот некоторые из них: собеседник признается, что ему тоже всегда хотелось сочинить детскую книжку — ну потому что «это же так просто»; или объявляет вас «большим ребенком»; или допытывается, есть ли у вас свои дети, а если у вас их нет, задумчиво произносит: «Странно!»; или: «Детский писатель? Как мило!». «Кстати, это не вы написали “Кота в шляпе”?» — Нет, не я. Это был Доктор Сьюз, он умер в 1991 году. Не знаю, бывали ли в истории времена по-настоящему уважительного отношения к детской литературе, но могу точно сказать, что мы с вами их не застали.

Почти на каждой автограф-сессии случаются два-три взрослых читателя, которые, как правило, подходят за автографом последними и смущенно оправдываются: «Вообще-то у меня нет детей, я просто люблю детские книги...» Эй, прекратите оправдываться! Любить детские книги — это круто!

по дороге в книжный» — им вообще не положено бегать по городу, особенно в одиночку. Да что там, многие мои читатели даже не могут читать. (А многие книги и предназначены для того, чтобы дети их слушали, а не читали.)

Взрослые пишут детские книги. А также их редактируют, иллюстрируют и издают. Взрослые пишут рецензии на детские книги, и взрослые же эти рецензии читают. Взрослые решают, какие книги будут разосланы по магазинам и библиотекам⁴. В школе взрослые определяют, что читать в классе, а что задавать на дом. А дома они иногда прячут любимые книги своих детей: ну сколько можно перечитывать одно и то же?! Детская книжка проходит множество взрослых рук, прежде чем попадет в руки ребенка. Если еще попадет, потому что — «Эй, это ужасно дорогая книга, смотри не испачкай!».

Вот в чем проблема: издание книг для детей происходит без сколько-нибудь значимого участия детей. К счастью, решение есть — сейчас я внесу смелое предложение, которому и намерен посвятить следующие девяносто страниц.

Надо предоставить детям рабочие места и разрешить водить машины!

Нет, стоп. Это не лучшая идея...

⁴ Даже в библиотеках, где — о чудо! — детям позволено самостоятельно бродить вдоль полок и выбирать, кому что нравится, выбранные книги почти всегда приходится предъявлять взрослым — только после этого можно будет унести их домой.

Но, похоже, детская литература — территория, на которой интересы детей и взрослых крепко переплетены. И если мы хотим, чтобы наши дети читали хорошие книги, значит, нам с вами и думать об этих книгах глубоко и серьезно.

Коль скоро мы собираемся провести ближайшие девяносто страниц вместе, обсуждая книги для детей, давайте для начала определим, *что* мы обсуждаем. Половину своей жизни я пишу детские книги, а размышляю о них даже дольше⁵. У меня их издано уже более шестидесяти. Я провожу уйму времени в школах, читая детям вслух, и почти столько же — в разговорах со взрослыми о детском чтении. Долго и упорно я работал над точным определением детской книги — или, назовем это так, над Великой Единой Теорией Детской Литературы — и сегодня ночью наконец-то завершил свой труд. Я еще ни с кем не делился этим определением и сейчас с радостью представляю его на ваш суд. Готовы? Тогда приступаю.

Только я, пожалуй, размещу его на отдельной странице, чтобы всем было понятно, какое это большое открытие и прорыв, — как на автошоу сдерживают покрывало с нового «Феррари»:

⁵ Читать детские книги я начал... скажем так: в детстве.

Детская книга — это книга, написанная для детей.

[А эту страницу я намеренно оставил пустой, чтобы у вас было время оценить мое определение.]

«Мак Барнет, ну нет, это ерунда какая-то, а не определение», — наверное, думаете вы. Или, возможно: «Мак Барнет, зачем писать то, что и так самоочевидно? Мы ожидали большего от книги, которая всего пару страниц назад заявляла о своей серьезности». Или: «Тавтология, Мак Барнет!» — если, конечно, вы из тех, кто употребляет слово «тавтология», даже когда думает про себя.

Но сколько существует детская литература, столько взрослые доказывают, что детские книги должны быть не такими, каковы они есть, и пытаются свести их к чему-то другому — к чему-то меньшему. Книга должна нести детям урок. Ее герои должны быть примерами для подражания. И лучше, если это будут говорящие животные. Желательно зайчики. Допустимы только простые, знакомые детям слова. Эти слова должны рифмоваться. Все события должны быть волшебными и сказочными. А все предметы — из реальной повседневной жизни. В детской книге должны быть картинки. И надо, чтобы они были яркими. И чтобы обязательно была надежда. Книга должна учить ребенка латыни. И доброте. И правилам поведения за столом. И чтобы был счастливый конец.

От всего этого с ума можно сойти!

Определение детской книги должно охватывать такое же огромное многообразие тем, стилей, точек зрения и разноуровневых текстов, какие представлены в литературе для взрослых. На самом деле многообразие в детских книгах должно быть не меньше, чем

в жизни детей, которые их читают. Если личный опыт ребенка и его эмоции — даже (и особенно) страхи, печали и гнев — не находят отражения в его книгах, он либо поймет, что с книгами что-то не так, и станет искать другие виды искусства, лучше отражающие его жизнь; либо решит, что что-то не так с ним самим, и начнет стыдиться собственных чувств, которым нет места в литературе. И если первое меня как писателя удручает, то второе — просто убивает.

Дидактизм, извечный враг хорошей книги, по-прежнему процветает в литературе для детей, и происходит это в силу нашей неискоренимой убежденности в том, что детская книга непременно должна учить. Но должна ли? Ведь для ребенка она может стать и убежищем от беспощадной опеки взрослых. У автора детской книги нет обязанности наставлять, побуждать или объяснять. Единственная наша обязанность — рассказывать хорошие истории. Лучшие истории для детей, как и лучшие истории для взрослых, рассказывают правду о том, что значит быть человеком в этом мире. Вот только быть ребенком в этом мире — совсем не то же, что быть взрослым. И детский писатель должен уметь сказать правду так, чтобы ребенок ее услышал.

Признавая важность детской литературы, давайте все же постараемся не угодить в ловушку утилитаризма. Любые заявления о том, что книги улучшают поведение детей, ускоряют их эмоциональное развитие, повышают успеваемость и так далее, в конечном итоге сужают и ограничивают детскую литера-

туру. Искусство не обязано «нести пользу». И на месте ревнителей детской книги я бы не спешил с рисованием солнечных перспектив: «мы растим читателей на всю жизнь... формируем завтрашних лидеров... воспитываем образцовых граждан». Да, конечно, дети — это наше будущее, и через двадцать лет в мире останется жить больше сегодняшних детей, чем сегодняшних взрослых. Но для детского писателя важнее другое: дети — это настоящее. Они — люди *здесь и сейчас*, со своими надеждами, страхами и богатой внутренней жизнью, с радостями и трагедиями. Они заслуживают увлекательных историй и значимого искусства.

Отмечу, что при всей моей убежденности в том, что великое искусство в детских книгах возможно и дети как никто способны его оценить, я далек от мысли, что детская книга — сама по себе форма великого искусства. И, кстати, не думаю, что создавать великое искусство для детей — наша прямая цель. Да, здоровая детская литература содержит в себе искусство; но в ней всегда можно найти и много мусора, потому что мусор, треш есть побочный продукт создания искусства. И потому что читать его — смешно, а дети имеют такое же право смеяться, как и взрослые.

Эта книга — не очередной эпизод из серии бесконечных литературных баталий, в которых, скажем, автор хоррора и писатель-фантаст сражаются каждый за свой жанр. Хотя бы в силу того, что детская литература — *не* жанр, скорее некий арсенал книжных

форм. Для художественной прозы⁶ это: книги-картонки, в которых мало текста и толстые страницы из нетоксичного картона — малыши могут смело их жевать; книги-картинки, в которых историю рассказывают текст и иллюстрации вместе⁷; книги для первого чтения — тут более короткие слова и четкий шрифт, а иллюстрации, как правило, поддерживают, а не дополняют текст (все это помогает, когда ребенок учится читать самостоятельно); комиксы — истории из отдельных картинок, расположенных в смысловой последовательности; и детские романы, которые по форме не отличаются от взрослых романов⁸, но для детей часто издаются с иллюстрациями.

Детская литература охватывает все жанры. Есть детское фэнтези, детская научная фантастика, реалистическая проза для детей⁹. Сходство приемов или сюжетов, общность тематики или проблематики не имеют определяющего значения. Единственным определяющим признаком детской книги является ее аудитория — дети.

⁶ Поэзия и научно-популярная литература для детей также активно развиваются и заслуживают отдельного рассмотрения, но, так как меня интересует в первую очередь художественная проза, о ней и пишу.

⁷ А иногда они бывают без текста — книги-картинки из одних картинок.

⁸ Или просто «романов», как их обычно называют.

⁹ Я не собираюсь перечислять все жанры, но назовите любой — и мы, вероятно, найдем соответствующую детскую книгу. А не найдем, так будет хороший повод ее написать.

Когда литературный пурист не желает признавать потенциал того или иного жанра, его можно обвинить разве что в снобизме. Но пренебрегать детской книгой — значит не признавать потенциал детей. И это уже преступление иного масштаба, не только литературное. Тот, кто не считает детские книги настоящими книгами, в каком-то смысле не считает детей настоящими людьми.

Задумаемся вот о чем: почему мы не ждем совершенства от детской литературы, хотя требуем его от литературы для взрослых¹⁰? Никто ведь не спрашивает, встречаясь с педиатром, собирается ли он когда-нибудь «стать настоящим врачом». И не говорит: «Детский психолог? Как мило». От профессионала, работающего с детьми, мы, как правило, ожидаем даже больше, чем от любого другого, — и уважаем его больше. Мы хотим, чтобы детский врач владел всеми необходимыми общемедицинскими знаниями и был грамотным терапевтом, но вдобавок еще разбирался в этапах развития ребенка и специализировался на детских болезнях и детской фармакологии. И в идеале умел бы отлично разговаривать с детьми.

Как педиатр заботится о теле малыша, а детский психолог — о психике и мышлении, так автор детских книг возвращает душу ребенка. И разве плохо, если некоторые из наших самых талантливых писателей посвятят себя созданию книг для детей? Только представьте, каким тогда станет наш мир!

¹⁰ Которую обычно называют просто «литература».

Впрочем, кое-кто уже представил: это городок антропоморфных животных из серии книг Ричарда Скарри, известный всему миру как Бизитаун — он же Город Добрых Дел. Говорят, выросшие на них дети именно таким видят идеальный город¹¹. В книге «С утра до вечера в Городе Добрых Дел» Скарри подробно рисует и описывает, чем занимаются горожане. На первом развороте — большое офисное здание. В левом верхнем окне бульдог в очках и галстуке-бабочке изучает какую-то бумагу. «Многие трудятся в офисах, как, например, этот юрист. Если два человека не могут разрешить спор, юристы помогают им

¹¹ Вам не встречался этот мем Ричарда Скарри?

Психотерапевт: Вы говорите, что разочарованы жизнью и тем, как устроен мир. А каковы были ваши ожидания?
Я:

разобраться». В соседнем окне сидит кот за пишущей машинкой. «Писатели пишут обо всем на свете. Самые лучшие писатели пишут детские книги». Пес в блузе стоит перед холстом. «Художники пишут картины. Самые лучшие художники рисуют иллюстрации к детским книгам»¹². На этом месте взрослые начинают иронично улыбаться: хватает же нахальства у некоторых авторов так себя пиарить! Но я уверен, что тут нет никакого самопиара, автор сказал ровно то, что хотел сказать. (И дети знают, что он прав.)

И все-таки: почему взрослые ожидают посредственности от детской литературы?

Отчасти это может быть связано с самим процессом взросления. Отвергая то, что любили еще совсем недавно, мы чувствуем, что стали старше. Вспомните, как презрительно дети смотрят на книжки «для малышей»!¹³ Когда я работал воспитателем в летнем лагере, меня всегда изумляло, как мои четырехлетки дружно отворачивались от мелкого бассейна-лягушатника,

¹² По поводу следующей цитаты у меня нет своего мнения, но было бы преступлением ее не привести: «А самые лучшие мойщики окон не роют свои ведра с водой!» — рядом с этим текстом собака моет окно второго этажа, а ее ведро уже накренилось и сейчас выплеснется на стоящего внизу медведя в униформе охранника. Стоит отыскать эту книгу хотя бы ради того, чтобы полюбоваться глупейшим и отрешенным выражением на медвежьей морде. Немалая часть гениальности Скарри, а также причина, по которой его книги, несомненно, переживут работы его многочисленных подражателей, — в том, как легко он вбрасывает в свой идеальный мир элементы хаоса, злоключений и даже злодеяний.

¹³ А подростки — на книжки «для детей».

называя его «малышатником», хотя всего полмесяца назад сами плескались в нем с превеликим удовольствием. А чтобы их рассмешить, мне достаточно было надеть надувные нарукавники для плавания — и весь мой отряд заливался хохотом: «Но это ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ!»

То же самое и с книгами.

Подрастая, дети начинают смотреть свысока сначала на свои книжки-картонки, а потом и на книжки-картинки¹⁴. «Это я читал, когда был маленький. А теперь нет», — говорит ребенок о книге, которую он раньше любил и, возможно, любил бы и сейчас, если бы не стеснялся ее любить. Ложь, что детские книги нас недостойны, — но, приняв ее когда-то, мы похоронили в своем сердце самые дорогие для нас истории. Такое не проходит бесследно: стыд за предательство любимых книг, верных спутников нашего детства, наверняка аукнется нам и во взрослой жизни.

Но главная причина в целом невысокого мнения о детских книгах еще проще: часто они действительно ужасны. Это известно всем, кто читает детям вслух. Плохих детских книг — море, и каждая плохая книга плоха по-своему: бывают книги слащаво-мимимишные, или нестерпимо назидательные, или просто бессмысленные; бывают такие, которые должны рифмоваться, да не рифмуются; бывают скверно написанные, или

¹⁴ Родители и педагоги тоже вносят свою лепту: торопя события, они настойчиво предлагают детям вместо книг с картинками повести и романы «постарше». Взрослые полагают (ошибочно), что толстая книга всегда сложнее и глубже тонкой.

неумело нарисованные, или то и другое вместе; пустые книги; скучные книги.

Но у меня есть одно важное замечание: многие книги для взрослых — большинство из них — тоже ужасны!¹⁵

Когда взрослые выбирают чтение для себя, они обычно легко справляются с задачей. Опираясь на весь свой предыдущий опыт и используя всевозможные указатели, взрослый читатель как-нибудь разберется, что за книгу он держит в руках, и сможет отнести ее к определенной категории. Дизайн обложки, текст на заднике, имя автора, выходные данные, размещение книги на полке — все эти подсказки помогают нам сориентироваться.

Но, выбирая книгу для ребенка, взрослые находятся на незнакомой территории. Названия на корешках мало что говорят. Указатели другие. На полках детские книги, как правило, располагаются не по жанрам, как взрослые, а либо по возрастам, либо по формальному признаку: в одном разделе — книги с картинками, все скопом, в другом — повести и романы, вперемешку¹⁶.

¹⁵ Но и ужасные книги бывают хороши! Хотя один из главных моих тезисов заключается в том, что дети имеют право на великую литературу, точно так же они имеют право и на какую угодно ерунду. Мы ведь с вами тоже любим иногда расслабиться и получить удовольствие от плохой литературы (плохой телепередачи, плохого кино), разве нет? Однако радости плохой детской книги взрослым обычно недоступны, и мы искренне недоумеваем: как они могут наслаждаться таким кошмарным, с нашей точки зрения, чтивом?

¹⁶ На самом деле от такой перемешанности детские книги даже выигрывают. Граница между «настоящей» и «коммерческой» литературой,

Найти книгу, которую ищешь, практически нереально. Смотришь и удивляешься: и это называется литература? То-то некоторым взрослым начинает казаться, что детскую книгу написать легко, хотя на самом деле легко написать только плохую детскую книгу.

В 1958 году писатель-фантаст Теодор Старджон, устав от нападок критиков, никогда не упускавших возможности принизить его жанр, записал свое так называемое «Откровение» — которое теперь, по причинам слишком сложным, чтобы тут в них вдаваться, более известно как «Закон Старджона»¹⁷:

которая на взрослом рынке всегда очевидна и строго охраняется, для детских книг выглядит гораздо более размытой: здесь самые яркие и значительные произведения могут оказаться также и самыми читаемыми. Например, последние несколько недель лидерами продаж среди детских книг в США остаются «Там, где живут чудовища» Мориса Сендака (1963) и «Баю-баюшки, луна» Маргарет Уайз Браун (1947) — два странных, по-настоящему экспериментальных литературных произведения.

А можете вы себе представить, чтобы в рейтингах продаж взрослых книг на первых местах появились «Улисс» Джойса и «Собрание стихотворений Эмили Дикинсон»? Они и не появляются, увы. Книги «Там, где живут чудовища» и «Баю-баюшки, луна» давно считаются классикой, и это, конечно, помогает делу. Но, думаю, не менее важно то, что они не простаивают на полке с надписью «Классика». Часто их выставляют рядом с бестселлерами каких-нибудь интернет-звезд или со снеговиком Олафом из диснеевской серии «Холодное сердце». Это делает книгу «Баю-баюшки, луна» не только более доступной для поиска, но и в целом более доступной: ведь «Классика» — ярлык, который одних привлекает, а других отпугивает.

¹⁷ Упоминаю об этом исключительно потому, что фанаты научной фантастики славятся особой придирчивостью к подобным деталям (что никоим образом не принижает ни их любимый жанр, ни их самих!).